

Ярослав Довгопольй
Instytut Neofilologii
UWM w Olsztynie

ЭТНОФОЛИЗМЫ КАК ПРОЗВИЩА С ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНОЙ ОЦЕНКОЙ

Обычай давать другим этносам прозвища с эмоционально-экспрессивной оценкой древний как мир и свойственный всем народам. В словарях разных типов и разных языков, включивших в свои словники этот слой лексики, известный в лингвистике как этнофолизмы, слова эти могут сопровождаться пометами, которые по-русски будут звучать как „оскорбительное”, „ругательное”, „пренебрежительное”, „шутливое” и т.п., поскольку имеют выразительную эмоциональную окраску и относятся преимущественно к разговорному языку. В основе таких характеристик лежит концептуальное членение мира: *зло – добро, чужой – свой, глупый – умный*. Категоризация *мы (хорошие) – они (плохие)* связана с эксплицитной или имплицитной оценкой, направленной на возвышение собственного этноса и унижение, ущемление чужого этноса.

Впрочем, уже в греческом *этнос* (‘толпа, стадо, племя, народ’) заложена дихотомия *чужой – свой*, поскольку одно из значений прилагательной формы этого существительного: ‘не греческий’. Древние греки, отдающие себе отчет в своем высоком уровне культурного развития, прозывали всех тех, кто не владел греческим „варварами”, поскольку считали их языки невнятными. Греческое *барбарос*, образованное путем редупликации звукоподражательного *бар* и должно было символизировать непонятную речь иностранцев. Варварами греки называли как высококультурных египтян, так и представителей примитивных народов. Позже этим именем нарицательным в переносном значении ‘жестокие, грубые люди’ стали называть все этносы, не имевшие отношения к древним грекам и римлянам. Римляне в свою очередь обозначили этим словом североафриканские племена, о чем свидетельствует название кочевых племен *берберов* или *бераберов*. В лингвистике под *варваризмом* понимают ‘иностранное слово, не отвечающее нормам данного языка’.

Пожалуй впервые случай использования языка в качестве критерия членения на *наших* и *чужих* упоминается в Библии (Книга Судей Израилевых 12: 6), когда жители Галаада принуждали на паромной переправе желающих

перебраться через реку Иордан произнести слово *sjibbōlet* ('колос') в качестве пропуска. Стоило задержанному вместо начального [š] произнести сибиллянт [s], т.е. 'sibbōlet', как он был разоблачен как ефремлянин и затем убит. Этот метод успешно был использован во время Второй мировой войны полковником нидерландской контрразведки Оресто Пинто в Англии при разоблачении немецких лазутчиков, выдававших себя за голландцев. Подозреваемых полковник просил прочитать вслух голландский топоним *Scheveningen*, в котором буквосочетание *sch* в начале слова по-голландски произносится как [sx], в отличие от [ш] в немецком произношении (из книги Оресто Пинто *Охотник за шпионами*. Москва 1964).

В семантическом ряду членения мира на базе языковой дихотомии стоит и общеславянское *немцы*, не выступавшее сначала дифференцирующим понятием; это – 'любой иностранец'. В повести *Ночь перед Рождеством* Н. В. Гоголь объясняет, что именно имел в виду рассказчик, когда сравнивает чёрта с „немцем”: *Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед – все немец*. Аллоэтноним этот в украинском и ряде других языков непосредственно соотносится с названием страны: *Німеччина, Niemcy*.

Если согласиться с тем, что первоначальная форма этнонима *Germanen* ('германцы'), которым римляне и кельты обозначали соседние племена, родственна с староверхненемецким *karmen* ('стонать') и англосаксонским *cierman* ('издавать громогласный звук') [3, 301], то вполне допустимо, что мотивацией для названия этого племени (позже уже всей группы племен за принципом *pars pro toto* 'части для целого') послужил противоположный *немоте* признак – *голос*. В ряде индоевропейских языков корень *kerm* и его фонологические варианты *cearm*, *gairm* (греч. *gêrus* – 'голос') связаны со словами, означающими 'кричать, орать' (как тут не вспомнить, что закарпатцев в Украине пренебрежительно называют *зуканами* ('крикунами')). Так, в ирландском (одном из кельтских языков) *gairm*, *gair* – 'глич, выкрик'. Вполне вероятно, что именно боевые выкрики древних германцев, передававшие их воинствующий характер, могли стать причиной того, что соседствующие этносы прозвали их за этим признаком.

К этому семантическому ряду можно отнести и средненидерландское (XIII–XV вв.) *moffe* <*moffelen* ('брюзжать, ворчать'), которым первоначально пренебрежительно называли всех иностранцев, а позже преимущественно работающих в Нидерландах немцев из Вестфалии [6, 1845].

Понятие 'бормотать, невнятно говорить' можно встретить и в эзотерических, т.е. для посвященных, арго, которым пользуются представители уголовного мира. В русской лексикографической литературе впервые в словаре В. Трахтенберга *Блатная музыка. Жаргон тюрьмы*. (СПб. 1908) зафиксировано название *блатная музыка* (дословно: 'невнятная воровская речь'), где *блатная* означает 'воровская', а компонент *музыка* появился вследствие звуковой мимикрии фонетически близкого заимствования из еврейского жаргона деклассированных *Kochem Lo-schen* на котором *schmuos* – 'невнятно говорить' (сравни жаргонизованное *moezen* и *mausen* в нидерландском и немецком языках со значением 'невнятно говорить'). Русское *блатная музыка* эквивалентно немецкому *platte Schmuserei*.

В основе же автоэтнонима *Deutsche* лежит готское *Piudisko* ‘языческий’ [3,141], впервые упоминающееся в латинизированной форме *theodisce* в 786 году в отчете папского нунция Георга фон Остия, в котором тот сообщает Папе Адриану I о работе Синода. Решение Синода было зачитано на латинском (*latine*) так и на народном языке (*theodisce*). Название *theodisce* употреблялось первоначально только по отношению к языку в противовес к латинскому языку, который в то время был языком администрации, торговли, школы. Только около 1090 года *diutisc* употребляется для обозначения языка, этноса и государства.

Как видим, в основе членения мира на *чужой – свой* и происхождения этнонимов может лежать язык. „Языком” при этом всегда выступает родной язык, поскольку только его понимают, все остальное – бормотание. Совокупность представлений о жизни при таком подходе замыкается на собственном этносе, без желания лучше узнать соседей, в страхе перед чужим. Подобное мировоззрение является мотивацией возникновения стереотипов: „чрезвычайно упрощенных ментальных моделей, которые игнорируют индивидуальные черты и оценивают только то, что считается присущим данному типу” [2, 92].

Поэтому совсем не удивительно, что история знает случаи, когда ревнители того или иного языка пытались доказывать его превосходство над другими. Так, фламандский врач по имени Иоаннес из деревушки Хорп, более известный под латинизированным именем *Joannes Goropius Becanus*, доказывал в своем претенциозном труде *Origines Antwerpianae* (1569), что его родной диалект древнейший в мире, более того, еще Адам и Ева разговаривали между собой на фламандском диалекте. Доказательством этому должно было служить название *Duyts* (как тогда называли фламандский диалект), которое этимологически объяснялось как ‘D’outs’, т.е. ‘древнейший’.

В говорах некоторых первобытных народов вообще отсутствует понятие степени сравнения, что практически исключает какое-либо сравнение. Самоназвания готтентотов, эскимосов, банту совпадают со словом ‘человек’. Первыми европейцами, описавшими аборигенов юго-западной Африки, *Khoikhoi*, были нидерландцы Лоуренс Тейзон Фейселаар и Даниэл Силлеман. Автоэтноним *Khoikhoi* на языке аборигенов означает ‘настоящие люди’, однако племя это более известно под этнофолизмом *готтентоты*, имеющий разные толкования. Одни исследователи утверждают, что этим прозвищем, означающее ‘заика’, племя нарекли из-за щелкающих звуков в консонантизме их языка. В готтентотских языках процент встречаемости щелкающих наиболее высокий по сравнению с другими языками. Другие считают, что нидерландцы дали это прозвище аборигенам потому, что те во время исполнения ритуальных танцев выкрикивали: „hot, hot”. В переносном значении *hottentot* означает на нидерландском языке ‘некультурный, глупый человек’ [6, 1199].

Иногда название этнической общности может одновременно быть производной амбивалентной мотивации значений, одно из которых выбрано для названия самим племенем, а другое – данное ему другим народом. Так, во второй половине второго века нашей эры античные источники впервые упоминают

германскую группу племен под названием *francae*, прославившуюся разбойническими нападениями на римские провинции. В немецком языке название это сохранилось как для обозначения германского племени, так и для местности вдоль реки Майн. Граждане Франции называют себя сегодня *Français*, что выводится из древневерхнемецкого *frankisk*, лат. *franciscus* – ‘франкский’. В старофранцузском языке *franc* имело следующие значения: 1. ‘смелый’; 2. ‘вольный от рождения’; 3. ‘благородный’; 4. ‘освобожденный от налогов’. Распространенное в немецкоязычном ареале имя Franz происходит от имени святого Франциска, которого вообще-то звали Giovanni Bernadone. А прозвище *franciskus* ‘француз’ он получил уже из-за своей привязанности к Франции.

Название *franc* происходит от древневерхнегерманского *frēh* – ‘жадный’ (сравни соврем. нем.: *frech* – ‘наглый’) с соответствующей назализацией *frēh* > *fræc* > *frank*, которая имела в ряде случаев место в истории разных германских языков независимо друг от друга.

Таким образом, в основе названия *франки* лежит дихотомия ‘отважный’, как прославляющая мотивация для самоназвания этнической группы германцев, так и ‘жадный, наглый’, как оскорбительная мотивация для названия, данного этой группе племен римлянами. Обе метко характеризуют разбойничьи шайки, ставшие когда-то известными под именем *francae*. В современном нидерландском языке, который исторически восходит к старонидерландскому диалекту, прилагательное *frank* сохранило давнюю дихотомию в значениях: 1. ‘свободный’; 2. ‘бесстрашный, фамильярный’; 3. (диалект.) ‘нахальный, наглый’ [6, 862].

Одним из известных способов подобного рода номинации является использование антропонимов. В этом случае за общеизвестным именем может стоять содержательная характеристика определенного национально-психологического типа. Примером этого может послужить имя собственное *Иван*, о котором В. И. Даль сообщает: ‘по всей азиатской и турецкой границе нашей, от Дуная, Кубани, Урала и до Амура означает русского’. Из этой же словарной статьи узнаем, что *Иван Иванович* – вежливое или шутовское название немцев, а более всего калмыков, которые всегда отзываются на это прозвище, как чуваша на *Василий Василыч*. В зависимости от обстоятельств эмоционально-экспрессивные признаки прозвища *Иван* могут изменяться, набирая иногда зловещий оттенок, как это имело место в немецком языке: *Der Iwan kommt!* (‘Иван наступает!’).

Общие этимологические связи с апеллятивом *Иван* можно проследить и в этнофолизме *yankee* (‘янки’), поскольку оба являются производными от библейского имени *Иоан*. Только во втором случае мы имеем дело с англоязычной формой нидерландского имени нарицательного *Jan Kaas* (дословно в переводе: ‘Иван Сыр’), которым фламандцы дразнили голландцев. Англосаксонские выходцы из Европы в Северной Америке это передразнивание подхватили и стали так прозывать голландских колонистов. При этом следует напомнить, что Нью-Йорк был основан нидерландцем Питером Стойфезандом, а сам город первоначально наречён был Нийв Амстердамом. Сегодня же под

этнофолизмом *янки* понимают представителей американского народа. В самой же Голландии голландцы рядовых своих жителей иронически прозывают *Jan met de pet* ('Ян с кепкой').

А на территории всего бывшего СССР особенно распространен был этнофолизм *фритц* (<Fritz, <Friedrich), которым во время Второй мировой войны и в течении нескольких десятилетий обзывали немцев. После политической оттепели и с началом открытия границ для туристов распространение среди молодёжи получили жаргонизмы: *Бундес* (<Bundesrepublik): 1. 'ФРГ'; 2. 'гражданин ФРГ'; *бундесовать* 'одеваться, вести себя как иностранец'. В свою очередь, граждан ГДР скупщики одежды и спекулянты валютой любовно называли *мотыльками* вследствие контаминации географического названия *Mitteldeutschland* → *мительки* → *мотыльки*.

Если верить лексикографическим справочникам, то наиболее распространенным прозвищем русских в украинском языке является этнофолизм *кацан*. Авторы *Этимологического словаря украинского языка*, ссылаясь на *Словарь* Фасмера, считают, что этнофолизм этот является производным от „...слова *цан* при помощи специфического компонента *-ка* как шутивное обозначение людей, носящие длинные бороды...”. Правда, составители *Словаря* не уточняют, что именно следует понимать под „специфическим компонентом *-ка*”. В украинском языке формант *-ка* может выступать только как суффикс с грамматическими или стилистическими функциями, соотносённый с родом занятий или этническим происхождением, либо как уменьшительный суффикс. В русском же языке *-ка* – усилительная частица после местоимения, наречия и императива, сообщающая речи фамильярный оттенок. Авторы очевидно считают, что речь идет о слиянии апокопированной формы русского наречия *как* со сравнительно-уподобительной функцией и украинского существительного *цан*. Однако против такого толкования говорит то обстоятельство, что выпадание этимологически конечной согласной в наречиях (*к* в данном случае) не является характерным для русского языка, как и образование сложных существительных при помощи компонентов русского и украинского – для украинского языка.

Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова (М. „Русские словари”, 1994) связывает происхождение слова *кацан* с арабским *kassāb* ('мясник') и, сопровождая пометами (дореволюционное, бранное), толкует его как „шовинистическое обозначение русского в отличие от украинца в устах украинцев-националистов, возникшее на почве национальной вражды”. Читая подобное толкование читатель может подумать, что ослепленным враждой „украинцам-националистам” не хватило слов в родном языке и им пришлось для передразнивания русских сослаться на арабское *kassāb* ('тот, кто режет мясо'). И опять таки, кто из „украинцев-националистов” владел арабским и почему „тот, кто режет мясо”? Очевидно, составители намереваются убедить пользователей словаря в том, что прозвище соотносится с родом занятия, как это случилось, например, с русским *колбасник*, которое употребляют как прозвание немцев [7, II: 135].

Способы образования этнонимов и этнофолизмов за родом занятия известны и в других языках. Так, голландское *boer* ('крестьянин') употреблялось для названия колонистов Южной Африки, разговаривавших на голландском языке. В истории они стали известны во время англо-бурской войны (1899–1902).

Известно, что основой этимологической методики является сравнительно-исторический метод исследования различных единиц языка, который опирается на шести принципах: фонетическом, семантическом, словообразовательном, генетическом, речевом и пространственном. С учетом того, что в процессе исторического развития украинская культура с арабской почти не соприкасались, то говорить о том, что слово это перенесено непосредственно с арабского языка, не приходится. Не приходится говорить и о косвенном заимствовании посредством третьего языка, поскольку в национальных словарях тех языков через посредство которых чаще всего заимствования переносились в украинский язык (русский и польский), заглавное слово *кацап* сопровождается пометой „употребляется украинцами” или „употребляется и белоруссами” как это имеет место в польской лексикографии. Кстати, употребляется это слово и в польском разговорном языке.

И, наконец, указанное в *Словаре* Д. Н. Ушакова в качестве этимона арабское *kassāb* вызывает сомнение уже потому, что основа его заканчивается на [s], а не на [ts], т.е. в основе слова лежит корень [ksb], а не [kzb], от которого *кацап* и происходит. Немецкий теологический словарь [4] сообщает, что корень [kzb] 'врать, обманывать' (особенно во время исполнения культовых обрядов) в семитских языках очень распространен и в соответствии с этим может получать разные значения.

Дореволюционный *Словарь* Даля более сдержанный в толковании заглавного слова *кацап* и не вникает в его происхождение: „прозвище данное малорусами великорусам, москаль, но последнее обозначает большей частью солдата, военного”.

Наиболее распространенным прозвищем для эмоционально-экспрессивного обозначения украинцами русских как раз и является *москаль* с пейоративным оттенком. *Этимологический словарь украинского языка* считает его заимствованием из польского языка, наверное уже потому, что суффикс *-al* для образования существительных, указывающих на род занятий или этническое происхождение, так характерен для этого языка (сравни: *góral, fornal*). Впрочем, имя нарицательное *Moskal* в качестве этнонима появилось в польском языке еще в XVI веке, когда пространства империи на географических картах еще обозначались как *Moscovia*.

Проникновение семитского *kāzāb* в украинский язык непосредственно связано с распространением языка идиш в Восточной Европе. Миграция значительной части евреев из Германии (ашкенази) на восток – в Польшу, Литву, на Украину, в Белоруссию (особенно с XVI в.) имела следствием, в частности, возникновение новых территориальных диалектов языка идиш. До 1917 года и даже до 1941 года евреи жили наиболее компактно в Украине (см., напр.: Wilenkin. *Jiddischer Atlas der Sowjetunion*. Minsk 1931).

Евреи Восточной Европы имели в своем лексиконе достаточно языковых средств, при помощи которых они могли выразить свое экспрессивно-эмоциональное отношение к окружающим их этносам: украинцам, полякам, русским. Примером этого является *кацап*, в котором конечная согласная [б] подверглась оглушению [б-п] уже в языке идиш. Россияне, в свою очередь, облюбовали для передразнивания украинцев этнофолизм *хохол*, производное от арамейского *haqāl* – ‘поле’ (название восточно-славянского племени *поляне* происходит опять-таки от славянского производного *поле*). Из *Словаря поговорок и пословиц на языке идиш* [4] узнаем, что *Das is e Chakloē!* означает ‘Вот это деревенщина!’ О том, насколько арамейское *haqāl* внедрилось в восточнославянском языковом ареале, открывая в слове пейоративную перспективу, свидетельствуют его дериваты *хохлобаксы* (‘украинские карбованцы’) и *хохляндия*, *хохлостан* (‘Украина’).

Чувство возмущения польской шляхтой, которая во времена Речи Посполитой обладала евреям непосильными налогами, нашло свое выражение в прозвище *Porzer*¹, которым евреи между собой обзывали польскую шляхту. В жаргонизованной форме (за так называемым правилом „begadkefat”) слово это проникло в аргументацию разных европейских языков, сужая свое первоначальное значение *Poriz* (‘бесстыдник’). В соответствии с этим фонетическим правилом в определенных позициях наблюдается чередование согласных: [b>w, k; p>f] (*Porzer*>*Fartzer*); [t>s]. На немецком жаргоне „Rotwelsch” *Fartzer* означает ‘вор, обкрадывающий витрины’, а на польском аргументе „grupsa” *Fartizer* – ‘опытный помощник карманного вора’. С наступлением политической „оттепели” в бывшем СССР и открытием границ для западных туристов в конце пятидесятых годов прошлого столетия *Fartzer* приобрело звучание *фарцовщик* со значением ‘скупщик вещей и валюты у иностранцев’. Были это в основном молодые люди, по крайней мере, с минимальными знаниями какого-либо иностранного языка и не признававшие нормы советского общества.

Концептуальное членение мира *чужой – свой* древних евреев нашло свое выражение и в аппелятиве *гой* (< древнеевр. *gōj* ‘народ, иностранец, не еврей’).

В зависимости от обстоятельств славяне Восточной Европы выражали свою эмоционально-экспрессивную оценку по отношению к евреям самой уже манерой произношения этнонима *жид*, который в украинском языке заимствован из польского языка со значением ‘принадлежащий к еврейскому народу’ и который происходит от древнееврейского *jehudi*, образованное в свою очередь от производного *hud* ‘быть величавым’ [6, 1324].

В соответствии с нормой современного украинского языка слово *жид* является оскорбительным названием еврея. С конца XIX ст. в литературном языке

¹ Выражаю благодарность господину Рону Га Когену, известному израильскому переводчику нидерландской литературы, за оказание помощи при анализе древнееврейских заимствований в языке идиш.

на Восточной Украине начинают вместо *жид* употреблять *еврей*. Авторы из Галичины, употребляя в своих публикациях *жид*, делали примечания, что из уст украинцев слово это оскорбительной нагрузки не несет. У Шолом-Алейхема украинский диминутив *жиденята* обыгран на языке идиш как *жиден ятес*, что переводится примерно как ‘хорошие еврейские ребята’, или даже ‘еврейские хитрецы’ [8, 18].

Безысходность, в которой не раз оказывалась еврейская диаспора на протяжении своей истории, нашла свое отражение в ироническом автоэтнониме *Mexikaner* ‘мексиканцы’, образованное вследствие сдвига выражения *Es mag sie keiner!* ‘Никто их не хочет!’ с омонимией к *Mexikaner*. Таким вот этнофолизмом нарекли голландские евреи своих соплеменников, которые безуспешно намеревались переселиться из Германии в Нидерланды [1, 87].

Пренебрежительное отношение к этносу, а то и к целой рассе, может выражаться обозначением цвета, как это случилось с этнофолизмами *негр*, *негрила*, *негритосия*, *niger*. Название *негр* происходит из латинского языка и встречается уже на страницах сочинения Плиния Старшего *Naturalis historia*. Прилагательным *niger* со значением ‘тёмный’ автор обозначает по отношению к людям: глаза – *aliis nigri...aliis glauci colori*; цвет кожи – *qui...bibant nigriores sunt*; волосы – *capillos nigro colore*.

Ассоциативно-образное представление цвета ‘тёмный’ прослеживается и в этнофолизмах *шоколадка* или в нидерландском *kwattarepen* (дословно: ‘плитки шоколада Кватта’), производном от шоколадного сорта ‘Kwatta’ и употребляющимся для пренебрежительного названия выходцев из Африки.

Принято считать, что мотивация пренебрежительного отношения к негроидной рассе берет свои начала в Книге Бытия (9:11–28), в которой описан первородный грех негров, за который они обречены на неволю. Соответствующая интерпретация этого пассажа авторитетными теологами, имевшая целью доказать неполноценность чёрной рассы, позволила в 1640 году признать торговлю рабами за такую, которая не противоречила основам кальвинизма, поскольку невольники не были христианами.

Следствия дихотомии *христианин* – *не христианин* прослеживаются также в понятии ‘невольник, раб’, которое, как заимствование из греческого языка, и в германских, и романских языках идентично с этнонимом *славяне*, поскольку до принятия Христианства ими чаще всего торговали на рабовладельческих рынках Византии.

Таким образом, из приведенного материала видно, что в границах эмоционально-экспрессивного поля этнофолизмов проявляется поляризация IN – OUT, которая представляет концептуальную группу *мы, наши, свои*, противопоставленную группе *они, чужие*. Несмотря на наличие ‘дипольного момента’, появление новых этнофолизмов, как и правила, по которым образуются новые производные на данном этапе развития языка, прогнозировать трудно. Так, например, тунисцы прозывают проживающих в Триполи ливанцев *Либи Тасса* (дословно: ‘пустая банка’ в бранном значении ‘болван’). Образован этот этнофолизм от помещенных на автомобильных номерах города Триполи арабских букв *Лам* и *Та*.

Библиография

- [1] Endt E. en Frierichs L. (1994). *Bargoens woordenboek*. Amsterdam, Uitgeverij Bert Bakker.
- [2] Fowler R. (1996). *Language in the news: discourse and ideology in the press*. London and New York, Routledge.
- [3] *Franck's Etymologisch Woordenboek der Nederlandsche Taal*. 's-Gravenhage, Martinus Nijhoff (1971).
- [4] Tendlau A. (1998). *Jiddische Sprichwörter und Redensarten*. Köln, Parkland Verlag.
- [5] *Theologisches Handwörterbuch zum Alten Testament*. (1979). Herausgegeben von E.Jenni, München, Chr. Kaiser Verlag.
- [6] Van Dale (1995). *Groot woordenboek der Nederlandse taal*. Twaalfde druk. Utrecht/Antwerpen, Van Dale Lexicografie.
- [7] Даль В. И. (1980). *Толковый словарь великорусского языка*. Москва, Русский язык.
- [8] Феллер М. (1994). *Пошуки, роздуми і спогади єврея, який пам'ятає сво-х дідів, про єврейсько-укра-нські взаємини, особливо ж про мови і ставлення до них*. Дрогобич, Відродження.

SUMMARY

Ethnopholisms as the nicknames based on expressive and emotional evaluation

The present article deals with the nicknames based on expressive and emotional evaluation. Those characteristics are based on conceptual partition of the world into the following categories: WE – OUR – THEY – STRANGE. The categorization based on the principles WE (ARE GOOD) – THEY (ARE BAD) is connected with explicit and implicit evaluation aimed at making the native ethnos gracious and at insulting the foreign ethnos. Despite the 'dipolar moment', the appearance of new nicknames at the given step of a language development is not easy to predict.